

Ферма или подворье?

13 февраля 1958 года все центральные московские, а затем и региональные газеты опубликовали решение ЦК компартии Украины «Об ошибке при закупке коров у колхозников в Запорожской области». Речь шла даже не обо всей области, а о двух ее районах: Приморском и Мелитопольском. Что же такого там случилось, что шум подняли на всю страну?

Все началось два года назад, летом 1956 года. Возвращаясь после отпуска из Крыма, отец остановился в своей родной Калиновке, благо от шоссе Симферополь – Москва она находилась рукой подать. Отец, как и в предыдущие годы, пообщался с колхозниками, зашел в пару хат к своим старым приятелям, поговорил с председателем в правлении, а потом выступил на центральной площади. Говорил он, как обычно в таких непротокольных случаях, без бумажки, без заготовленного текста и даже без плана. Он рассуждал, делился со слушателями своими мыслями. Его слова привели слушателей в замешательство. Отец предложил передать коров из личных хозяйств колхозников в колхозные фермы. Крупные, механизированные, они обеспечат коровам лучшую жизнь, удои поднимутся, а колхозники избавятся от непроизводительного труда по обслуживанию одной-двух буренок, у них отпадет необходимость в ручной дойке. Дойть коров на фермах станут по-современному, «елочкой».

Так называлась еще одна позаимствованная в США технология. Там уже много лет не доили коров вручную, а надевали им на соски специальные наконечники, соединенные трубочками с приемной молочной цистерной. Хитроумно сконструированная вакуумная система то, разрежая воздух, то увеличивая давление, массировала вымя получше рук опытной доярки и одновременно отсасывала по стерильным трубочкам молоко в стерильный же бак. «Елочкой» систему прозвали за геометрию стойла, куда загоняли коров на дойку. Коров ставили под острым углом головой к центральному стволу молокопровода, вот и получалась «елочка». Система оказалась простой, удобной, высвобождалась сразу целая армия доярок, да и разбавлять молоко водой становилось труднее. Раньше плеснешь в неполный подойник из ковшика – и выполнил план по удою, а тут в переплетение трубок и не подлезешь.

Прочитав о механической дойке, отец стал ее горячим сторонником, пропагандировал «елочку» в своих выступлениях, газеты отводили «елочке» целые развороты. И теперь, выступая перед односельчанами, он не преминул вновь помянуть «елочку».

Слушатели знали «елочку», ее недавно установили на местной ферме. Система работала, но крестьянам казалось, что доились коровы не совсем так, как вручную. Дома буренку, если заартачится, и по вымени погладишь, и похлопаешь, и за соски потянешь нежно. А с

машины, что взять? Выдаивает не до конца, приходится добирать вручную. Однако отцу они не перечили, коров в «елочку» загоняли исправно. А затем и доярки, и коровы привыкли, – «елочка» прижилась. Казалось, так доили всегда.

Закончив рассказ о преимуществах «елочки», отец вернулся к исходной мысли, разъяснил, что, передав коров на общественную ферму, молоко, масло, сметану, творог крестьяне смогут купить в колхозном магазине, притом затратят на продукты меньше, чем выходит сегодня.

Собственно, отец и тут ничего нового не открывал. В той же Америке фермы давно специализировались: одни на зерне, другие на мясе, третьи на молоке. В первой половине XX века хозяйство стало товарным, времени на собственный огород у фермера не оставалось, свой товар продавали, а чужой покупали. Цифры производительности труда, себестоимости, товарной эффективности, их отец мог повторить без запинки, свидетельствовали о несомненных экономических преимуществах крупных специализированных хозяйств.

К сожалению, неоспоримые в Америке истины на российском подворье выглядели иначе. Крестьяне цепко держались за свои приусадебные участки, за домашний скот. Кто его знает, что там власти надумают, за что заплатят, за что и не заплатят, а личное подворье не подведет.

Рассуждения отца представлялись оторванными от реалий крестьянской жизни не только для калиновцев. По мнению экономистов-аграриев, без своего подворья колхозники просто не выжили бы. Согласно справке Центрального статистического управления, которые отец регулярно читал, в 1958 году доходы крестьянской семьи от личного хозяйства составляли 42,0 процента, в колхозе они зарабатывали чуть меньше: 41,3 процента, то есть делились практически поровну. Если их сложить, получится 83,3 процента. Остающиеся 16,7 процента автор отнес на счет доходов «от государственных и кооперативных организаций», не расшифровав, что же это такое. В нашем случае это не так уж важно.

Статистика предыдущих и последующих практически такая же. В валовой продукции животноводства доля личных хозяйств никогда не опускалась ниже 45–50 процентов, а по яйцу – ниже 75 процентов.

Все это отец знал и, тем не менее, попытался с наскока, одними благими пожеланиями сразу в корне изменить структуру сельскохозяйственного производства и взаимоотношений в деревне. Разумного объяснения я найти не могу. Противники отца сошлутся на его дилетантство. Это освобождает их от необходимости думать и копаться в поисках истины. Я не могу с ними согласиться, не потому что я сын, а просто отец никогда дилетантом не был, сельское хозяйство знал на уровне хорошего специалиста-практика, да и теорией владел не хуже кандидата сельскохозяйственных наук. Другое дело, что порой он ошибался, в спорах иной раз занимал, как мы теперь понимаем, неверную позицию. Но это теперь, а тогда он считал, что придерживается одного из многообещающих направлений сельскохозяйственной науки.

Концентрируя свое внимание на ошибках отца, особенно на поддержке им Лысенко, критики не замечают множества других, положительных, примеров. Если сложить плюсы и минусы, то в результате получится плюс, подтверждаемый цифрами. До того, как оспорить мои слова, посоветую открыть соответствующие статистические ежегодники. И предмет спора отпадет сам собой. Так что обвинение в дилетантизме не подходит и ничего не разъясняет.

Попробуем разобраться. Сама идея перехода от мелких, личных хозяйств к крупным товарным возражения не вызывает. Другое дело: как переходить? Как мог отец без должных оснований посчитать российскую деревню похожей на цивилизованную американскую, когда она и в XXI веке еще топчется в своем, отгороженном от остального сельскохозяйственного мира подворье? К сожалению, он слишком доверился экономической целесо-

образности, полагался на логику, тогда как речь шла о психологии выживания в противостоянии крестьянского подворья давлению государства, основанной на опыте, и последних, сталинских лет, и предшествующих столетий. В дополнение ко всему, к сожалению для отца, для крестьян, для государства в целом, претворение в жизнь разумного в своей основе проекта покатило по накатанной российской бюрократической колее. Совет Хрущева, растиражированный газетами по всей стране, местные начальники восприняли как директиву и постарались немедленно провести в жизнь, отчитаться о выполнении и перевыполнении. В целом, в 1956 году ничего хорошего из благого начинания отца не получилось, но и ничего страшного не произошло.

Беда наступила после нового призыва отца весной 1957 года, поставившего задачу догнать и перегнать США в кратчайшие сроки по производству мяса, молока и масла на душу населения. С молоком и маслом особых коллизий не возникло. Если молока мало, надо постараться раздоить корову или завести еще одну телочку. А вот мясо получают из уже зарезанных быков, свиней или баранов. Вторично с их костей мяса не срезать. Увеличение заготовок мяса лимитируется естественными ограничениями прироста поголовья, я уже писал об этом. Дело это и трудоемкое, и долгое, а местным руководителям хотелось, и как можно скорее, желательнее досрочно, отрапортовать о выполнении и перевыполнении заданий. И Москва их к тому побуждала. Отсюда желание отыскать то, что на чиновничьем языке называется скрытыми резервами, а по-простому соблазн пустить под нож сегодня все, что попадет под руку и отчитаться перед начальством победной реляцией. А завтра? Завтра – не сегодня, там видно будет.

В результате коров, как и рекомендовал отец, с крестьянских подворий начали перегонять в колхозные стойла. Не добровольно, конечно, кто же их добровольно отдаст? Но оформляли передачу как добровольную. Затем обобществленных коров сдавали напрямую на мясокомбинат и тем самым избавляли себя от лишних забот об их пропитании и одновременно догоняли США по производству мяса. Первым такая схема пришла в голову украинцам.

Моя жена Валентина Николаевна, в 1957 году десятилетняя девочка, со своей младшей сестрой Любой, как обычно, проводили каникулы у тетки в селе Бело-церковка, расположенном в благодатном южном украинском крае, о котором шла речь выше в упомянутом постановлении.

В Белоцерковке жили зажиточно, в каждом дворе корова, а то и две. Молока надаивали вдоволь, излишки сдавали на свой же колхозный молокозавод. На личном подворье коровы давали 3 500 – 4 000 литров молока в год, при жирности 3–5 процентов (в колхозе – 1 200 – 1 500 литров, 1,5 – 2-процентное).

Кстати, для меня так и осталось загадкой, как отец, выступая в Калиновке, мог поменять местами показатели надоев в личных хозяйствах с колхозными. Обманывать он своих слушателей не собирался, да и как обманешь, если это их коровы в хлеву и их коровы на ферме. Не понимаю. Мистика какая-то!

Всегда очень ценились коровы, дающие жирное молоко. За теленком от такой коровы соседи заранее выстраивались в очередь. Так постепенно единоличное стадо становилось элитным.

Колхозное стадо тоже улучшали, покупали хороших производителей. Жирность молока росла, но угнаться за показателями единоличных коров не могла.

В тот, 1957 год, Валя приехала в Белоцерковку к самому началу «борьбы за заготовку мяса». Она запомнила, как приказали всем поголовно отдать коров на ферму и получить за них деньги по сдаточной цене, такой, какую платили на мясокомбинатах. Других преysкуррантов просто не существовало. Непокорным пригрозили всяческими неприятностями, и люди подчинились. Коровы же оказались менее «сознательными», уходить со двора отка-

зывались, приходилось их выталкивать силой, в том числе и корову Валиной тетки Пани. Вытолкали, коров согнали на ферму, а оттуда напрямик отправили на скотобойню. Поначалу забрали не всех коров, оставили по одной на десять дворов. Молоко сразу стало дефицитным и счастливицы-хозяева с соседями делились неохотно. Потом и последних коров забрали. В сельском магазинчике молоко продавали, а вернее отпускали строго по регламенту, сначала местной верхушке: учителям, врачам, заведующему клубом и еще кому-то, они своих коров не держали и раньше молоко покупали, а потом уже всем остальным, кому повезет. Везло немногим, почти никому не везло, практически все колхозное молоко свозили на молокозавод. В тот год Валя с Любой остались без молока.

В верха полетели жалобы. Жаловались и в Запорожье, и в Киев, и в Москву. Одно из писем дошло до отца. Он возмутился, позвонил недавно избранному Первым секретарем ЦК Украинской компартии Николаю Викторовичу Подгорному и выговорил ему. Выговорил за излишне ретивое исполнение его собственного призыва. Как следствие этого разговора и появилось Постановление, которым я начал рассказ. В нем заклеямили «секретарей Приморского и Мелитопольского райкомов партии, которые дали указание проводить массовую закупку коров, не засчитывали отказникам трудодни и применяли другие меры, принуждающие продавать коров». В Постановлении разъясняли, что «дело это исключительно добровольное. Покупка коров у колхозников и передача их на колхозные фермы (о забое коров вообще не упоминалось) может производиться лишь в виде опыта в отдельных передовых колхозах, где колхозники сами пришли к такому убеждению и уже в настоящее время созданы хорошие условия для содержания колхозного стада, где за счет общественного животноводства одновременно с выполнением государственных планов заготовок можно полностью удовлетворить потребности всех колхозников в молоке и молочных продуктах».

25 апреля 1958 года отец снова выступал на Курщине, теперь по случаю вручения области ордена Ленина. В парадной речи он счел уместным упомянуть и о кампании по передаче коров на колхозные фермы. Повторив, что «продажа коров колхозу в условиях Калиновки оказалась весьма выгодной и государству, и колхозникам», он предостерег слушателей: «... в большинстве колхозов для этого не созрели условия, и было бы неразумно такое мероприятие проводить повсюду».

Не знаю, приходило ли такое сравнение в голову отцу, по мне все это напомнило сталинское письмо «Головокружение от успехов», написанное в тридцатые годы на пике коллективизации. В нем автор осудил «перегибы» на местах. Люди вздохнули чуть свободнее, но выдохнуть не успели. Вскоре все вернулось на круги своя. Сходство усиливалось публикацией в «Правде» 27 августа, через полгода после осуждения «секретарей Приморского и Мелитопольского райкомов партии», статьи под заголовком «Победа нового. Добрый совет». В ней автор, ссылаясь все на выступление отца в Калиновке летом 1956 года, а не весной 1958-го в Курске, настойчиво советовал крестьянам отдать своих коров, конечно, добровольно, ведь «у колхозников они неухоженные, а в колхозе сытые, довольные и молока дают больше».

Тети-Паниной корове повезло, по каким-то нам неизвестным причинам ее не зарезали, оставили на колхозной ферме. Наверное, надой молока у нее были больше и жирнее. После выхода Постановления всех оставшихся коров вернули прежним хозяевам. Но в каком виде? Корова тети Пани запомнилась Вале исхудавшей, изголодавшейся и практически без молока. Помаялась тетя Паня с коровой, попыталась ее снова раздоить, но неудачно, и продала. Теперь уже не колхозу, а просто на колхозном рынке. Семья просуществовала без молока год, а потом тетя Паня купила козочку. Благо коз не трогали, они в соревновании с США не участвовали. На следующее лето козочка выросла в козу, доилась, бодалась, нещадно объедала огород, как собственный, так и соседские. Забор между подворьями на селе тогда

С. Н. Хрущев. «Никита Хрущев. Реформатор»

не городили. Молока, конечно, коза давала меньше коровы, не тот калибр, но себе хватало, а вот на молокозавод оно из крестьянских хозяйств больше не поступало.